

З. В. УЧАЕВ (Йошкар-Ола)

ГЛАСНЫЕ *i*, *ə* В КИЛЬМЕЗСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Кильмезский говор марийского языка охватывает небольшую территорию на юго-востоке Кировской области. Он относится к малмыжскому диалекту. Говор этот мало изучен. Материалы устного народного творчества собраны в 1906 г. Ю. Вихманом.¹ Речь кильмезских марийцев осталась свободной от влияния норм литературного языка, так как обучение в школах ведется на русском языке и отсутствует тесное междиалектное общение.

По сравнению с другими говорами малмыжского диалекта кильмезский отличается рядом своеобразных особенностей. Например, в первом слоге слова в основном здесь представлены полные гласные: кильм. *uβe-r* — Кан., Кит.² *uβer* 'известие', кильм. *uđu₁raš* — Кан., Кит. *uđu₁raš* 'грести', кильм. *užarmužo* — Кан., Кит. *užarmužo* 'туберкулез', кильм. *urβalte* — Кан., Кит. *urβalte* 'подол' и др. Редуцированные гласные встречаются лишь в безударных (как предударных, так и заударных) слогах, например: *koštu₁ra* 'грубый, обветренный', *ko₁rmiž* 'горсть', *ko₁mđu₁k* 'навзничь', *jü₁kyn* 'вслух', *jüštñläš* 'купаться', *βü₁đñžüš* 'сырой', *pöšñr* 'грыжа'.

При изучении особенностей говора необходимо учитывать влияние языков соседних народов.

Сравнивая заимствованные слова с оригиналами, выясняем, что многие из них подчинены внутренним законам говора, изменился звуковой состав заимствуемых слов. В то же время процесс заимствования в некоторой степени нарушил цельность местного говора, оставляя следы даже в звуковом составе его. Это, в частности, отчетливо проявляется в соотношении полного гласного *i* и редуцированного *ə*.

По сравнению с марийским литературным языком в речи кильмезских марийцев гласный *i* сохранил свое качество в более полном виде и употребляется значительно шире. В этом отношении особенно характерен первый слог слова. В луговом наречии *i* первого слога во многих случаях замещен редуцированным *ə* (оставляем вне внимания слова, начинающиеся гласным *i*, они в основном совпадают). В кильмезском

¹ Y. Wichmann, Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen (= MSFOu LIX), Helsinki 1931.

² Кан. — дер. Канымаш, Кит. — дер. Большой Китяк (обе деревни находятся в Малмыжском районе Кировской области, особенности речи их жителей наиболее типичны для малмыжского диалекта).

говоре древнемарийский *i* полностью сохраняется, это подтверждают данные других финно-угорских языков; например: *ki-l̥diš* (луг. *kāldās*) 'завязка, узел', эрз. *kildems*; *kičala-š* (луг. *kāčalaš*) 'искать', манс. *kinsi*, хант. *kəñč-*; *kiška-r* (луг. *kāškar*) 'цилиндр из лубка', эрз. *kitškeře*; *nil* (луг. *nāl*) 'четыре', эрз. *ñile*, манс. *ñila*; *pižä-š* (луг. *pāžas*) 'гнездо', мокш. *pizä*; *pižē* (луг. *pāzle*) 'рябина', фин. *pihlaja*, эрз. *pižol*; *pił* (луг. *pāl*) 'облако, туча', фин. *pilvi*; удм. *pilem*; *pi-liš* (луг. *pālās*) 'ухо', эрз. *pile*, манс. *pił*; *ri-βiž* (луг. *rāβāž*) 'лиса', эрз. *riveš*; *sil* (луг. *rap-šāl*) 'мяготь в мясе', эрз. *siwel* 'мясо', фин. *silava* 'сало'; *či-βe* (лит. *čėbe*) 'курица', удм. *tšip̄i*, морд. *tsipu*, венг. *csibe*; *čibišta-š* (луг. *čāβāštaš*) 'шипнуть', венг. *csipni*; *čiyilta-š* (луг. *čāγāлтаš*) 'щекотать', венг. *csiklandozni*; *šiyi-le* (луг. *šāγāle*) 'бородавка', эрз. *šilge*, саам. *čiw'hle*; *ši-že* (луг. *šāže*) 'осень', удм. *siz̄il*; *šinša-le* (луг. *šānšale*) 'ящерица', фин. *sisilisko*, эст. *sisalik*; *ši-šim* (луг. *šām*) 'семь', коми *šizim*, эрз. *šisem*; *ši-šte* (луг. *šāšte*) 'воск', коми *šis* 'свеча'.

Гласный *i* встречается чаще, чем в луговом наречии, и во втором слоге, например: *pižirä-š* — луг. *pāzāraš* 'давить', *li-šil* — луг. *lišāl* 'близкий', *kiškilta-š* — луг. *kāškāлтаš* 'бросать', *pi-liš* — луг. *pālās* 'ухо', *ri-βiž* — луг. *rāβāž* 'лиса', *šiyi-le* — луг. *šāγāle* 'бородавка' и др. В третьем и последующих слогах гласный *i* изменяется в сторону ослабления и превращается в редуцированный *ɨ*, звук, средний между *i* и *ə*; например: *liši-lč̄n* — луг. *lišāč̄n* 'из близкого места', *čiyi-lt̄š* — луг. *čāγāлт̄š* 'щекотка' и др. Однако и в кильмезском говоре в первых двух слогах могут употребляться гласные неполного образования, в том числе *ä*, например: *a-βān* (луг. *aγun*) 'овин', *tāplana-š* 'успокаиваться', *tārša-š* 'стараться' и др.

По вопросу об истории развития редуцированного *ə* в марийском языке В. Штейниц³ пишет, что финно-угорские редуцированные гласные в марийском языке сохранились в сущности без изменения. Что же касается малмыжского диалекта, то здесь, по его мнению, древнемарийские редуцированные гласные — частью или все — во всех положениях совпали с соответствующими узкими полными гласными, развитие которых якобы началось еще в горном наречии, а затем такой переход последовательно осуществляется в малмыжском диалекте, где будто **ə* перешел в *i*. Но к сожалению, в своих выводах он опирается лишь на финно-угорскую лексику, оставляя без внимания заимствованные слова.

Э. Итконен, основываясь на сопоставлении марийских диалектных слов с гласными *ə*, *ɨ*, с одной стороны, и с гласными *ä*, *ɨ*, *i*, с другой стороны, пришел к выводу, близкому мнению Штейница. Разница в том, что Штейниц предполагает в древнемарийском языке из указанных гласных только **ə*. В противоположность этому Итконен признает два редуцированных гласных — *ə*, *ɨ*. Он пишет, что **ə* был, очевидно, перед твердым согласным древнемарийского языка, а перед мягким согласным — **ɨ*. Говоря о звукозамещениях в малмыжском диалекте, автор отмечает, что здесь древнемарийский гласный **ɨ* развился в *i*, такое

³ W. Steinitz, Geschichte des finnisch-ugrischen Vokalismus, Stockholm 1944, стр. 98.

замещение является, по его мнению, редким, преобладающим было развитие **ə* в *i*. Таким образом, Итконен считает источником кильмезского полного гласного *i* редуцированные гласные **ə* и **ɨ*; например, по его мнению: *lišta-š* 'делать' < *lištaš*; *pil* 'облако' < *pil*, *ki-ñe* 'конопля' < *kəñe*; *nil* 'четыре' < *nɨl* и др.⁴ Причем в развитии гласных он видит два периода — домарийский и древнемарийский. Выше мы изложили его взгляд на древнемарийский период, где, якобы, **ə*, **ɨ* > *i*.

В домарийский же период картина была противоположной, т. е. древнемарийские редуцированные гласные, по Итконену, произошли путем ослабления домарийских полных гласных, а именно: **ə* ~ **ɨ* < домар. **e*, **ü*; древнемар. **ə* < домар. **ä*; древнемар. **u* < домар. *ū* и др.

Для доказательства происхождения редуцированного *ä* в первом слоге, конечно, главной опорой должны быть древние собственные марийские слова и соответствующая финно-угорская лексика, но нельзя обойти молчанием и заимствования.

По мнению Э. Беке, в марийском языке редуцированные гласные (по крайней мере, часть из них) представляют собой звуки позднейшего происхождения, возникшие на марийской почве.⁵

Сравнивая, с одной стороны, кильмезские слова с финно-угорскими, и, с другой стороны, кильмезские с тюркскими, мы можем наглядно представить себе картину звуковых изменений не только в данном говоре, но и в марийском языке в целом.

Сначала рассмотрим финно-угорские слова. Числительные: *ni-lit* (луг. *nälät*) 'четыре', фин. *neljä*, морд. *ñile*, удм. *ñil*, коми *ñol*; *βi-žit* (луг. *βizät*) 'пять', фин. *vüisi*, морд. *vefe*, удм. *vit*, коми *vit*; *šiši-mɨt* (луг. *šämät*) 'семь', фин. *seitsemän*, эрз. *šisem*, коми *šizim*; личные местоимения: *miñ* (луг. *mäj*) 'я', фин. *minä*, морд. *mon*, коми *me*, удм. *mon*; *tiñ* (луг. *täj*) 'ты', фин. *sinä*, морд. *ton*, коми *te*, удм. *ton*. Да и в отдельных говорах лугового наречия встречаются варианты: *nilät*, *miñ*, *tiñ*. Приведенные ранее примеры также свидетельствуют о том, что полным гласным финно-угорских языков в кильмезском говоре соответствуют полные гласные, в том числе гласный *i*. Отсюда ясно, что ни о каком древнем переходе *ä* > *i* в марийском языке не может быть и речи. В общефинно-угорской лексике нет примеров, которые подтверждали бы глубокую древность марийского редуцированного гласного *ä*. Чтобы дать ответ на вопрос об основе его возникновения, следует проследить изменение звукового состава иноязычных слов в диалекте.

Заимствование проходило по-разному: часть слов сохранила свой первоначальный вид, многие изменили свой звуковой состав. В данном случае главное внимание обращается на замещения гласных *i*, *ä*, которым в соседних тюркских языках соответствуют *ə*, *ä*, *o*, *u*. Группа слов, тождественных по своему звуковому составу с соответствующими тюркскими словами, незначительна, например: *a-βän* (луг. *aɣun*) 'овин' — чув. *avän*, татар., башк. *ävän*; *a-βär* (луг. *aɣur*) — чув. *avär*; *ta-mäk* 'пух' — чув., татар., башк. *tamäk*, тур. *patuk*; *maɣära-š* 'ре-

⁴ E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tschere-mijssischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1954, стр. 225—242.

⁵ Ö. Beke, рец. — Nyr. 1948, стр. 40—42.

веть' — чув. *mayâr*; *lâŋ* 'много' — чув. *lâŋkâ*; *târša·š* 'стараться' — татар. *târâšu*, башк. *târâšäu*; *ârla·š* 'урчать' — татар., башк. *ârâldau*.

Большинство заимствований в кильмезском говоре претерпело изменения. Примеры на замещение гласных: $\hat{a} > i$: чув. *kâškâr*, татар. *kâčkâru*, башк. *kâčkârâu* — кильм. *kičkirä·š* 'кричать'; чув. *šâhâr* 'густой, частый', татар. *šâyrâm*, башк. *šâyrâm* 'битком' — кильм. *ši·yir* 'тесный'; чув. *šât*, татар. *šâtu*, башк. *šâtâu* — кильм. *šita·š* 'произрастать'; чув. *šârpâk*, татар., башк. *šârpâ* — кильм. *ši·rpe* 'заноза'; татар. *sâjercâk*, башк. *sâjârsâk*, кирг. *čâjârcâk* — кильм. *ši·rčik* 'скворец'; $\hat{a}, \hat{a} > i$: чув. *hâckâč*, татар. *kâškâč*, башк. *kâčkâč*, кирг. *kâskaš* — кильм. *kiška·č* 'щипцы'; чув. *sârpâk*, татар. *čâra*, башк. *sâra* — кильм. *čirâ* 'лучина'; чув. *pârle*, татар. *bârlâktâ* 'вместе', башк. *bârlâk* 'единство' — кильм. *pirlä* 'вместе'.

Чтобы правильно понять отдельные стороны вопроса о происхождении гласного \hat{a} в первых двух слогах, надо обратить внимание на некоторые явления, имевшие место в тюркских языках. История гласного \hat{a} в чувашском языке представляет собой одну из особенностей тюркского вокализма. Этимологически этот гласный в подавляющем большинстве случаев соответствует гласному i большинства современных тюркских языков, например, чув. *kâr* 'входи', каракалп., кирг., тув., узб. *kir*, тур. *gir*., чув. *âs* 'пей', каракалп., тув. *iš*, кирг., узб. *ič*.⁶ Поэтому некоторые исследователи тюркских языков правильно предполагают происхождение этого гласного из i .⁷

Следовательно, и в чувашском языке возникновение редуцированного гласного \hat{a} — позднее явление. Можно полагать, что некоторые тюркские заимствования с гласным i проникли в марийский язык до чувашского влияния, о чем свидетельствуют такие примеры: кильм. *či·yîn* 'норовистый' — чув. *čâhâm*, татар. *čiyänü*, башк. *siyänü*, тур. *šekilmek* 'пятиться'; кильм. *pitara·š* 'кончать' — татар. *bätärü*, чув. *päter*, тур. *bitirmek*; кильм. *zija·n* 'вред' — татар., башк. *zâjan*, чув. *sien*.

Обильный приток слов с новыми для говора звуками повлиял на состав фонем, в звуковом составе произошло увеличение их числа, появился редуцированный гласный \hat{a} . Утвердившись в языке, новый звук получил полное право на существование и распространение. Так, гласный в зависимости от ударения мог теперь занимать место в последующих слогах, в суффиксах и окончаниях. В этом случае он возникал не под влиянием заимствуемых слов, а уже на собственной почве при изменении качества полных гласных в определенных фонетических условиях. Следы такой замены сохраняются в говоре до сих пор, например, *pi·tiš* 'закончился', но *pita·râš* 'он закончил'; *i·liš* 'он жил', но *ka·jâš* 'он ушел'. Здесь полный гласный заменяется другим гласным, существующим в языке. Известно, что первоначально и в личных окончаниях глаголов прошедшего времени употреблялся лишь гласный полного образования, а именно i . Это можно подтвердить, например, следующим сравнением:

⁶ Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков I, Москва 1955, стр. 96.

⁷ Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, Уфа 1948, стр. 11.

	КИЛЬМ.		ЛУГ.	КОМИ	ФИН.
1 л. ед. ч.	<i>i-lim</i>	'я был'	<i>älät</i>	<i>veli</i>	<i>olin</i>
2 л. ед. ч.	<i>i-lič</i>	'ты был'	<i>äläč</i>	<i>velin</i>	<i>oliti</i>
3 л. ед. ч.	<i>i-le</i>	'он был'	<i>äle</i>	<i>veli</i>	<i>oli</i>
1 л. мн. ч.	<i>ilna</i>	'мы были'	<i>älna</i>	<i>velim</i>	<i>olimme</i>
2 л. мн. ч.	<i>ilda</i>	'вы были'	<i>äläda</i>	<i>velinnid</i>	<i>olitte</i>
3 л. мн. ч.	<i>i-lič</i>	'они были'	<i>äläč</i>	<i>velini</i>	<i>olivat</i>

Мы видим, что финно-угорскому *i* в кильмезском говоре в основном соответствует такой же звук, а в луговом наречии — *ä*. Безусловно, как в кильмезском говоре, так и в луговом наречии в более древнее время во всех личных окончаниях был *i*. Это древнее состояние частично сохранилось в личных окончаниях некоторых глаголов указанного говора. Переход гласного *i* (признака прошедшего времени) в *ä* — явление поздней эпохи.

В вопросе о судьбе *ä* переплетаются два явления, отличные друг от друга по характеру и истории возникновения. Это, во-первых, изменение фонемного состава говора под влиянием обильно перенимаемых иноязычных слов, во-вторых, изменение фонетического облика отдельных слов, прежде всего в грамматических показателях, на основе непрерывно развивающихся внутренних закономерностей языка. Известно, что в безударной позиции гласные претерпевают существенные изменения количественного и качественного характера, степень которых зависит от различных факторов: от гласного в ударном положении, от соседнего или соседних согласных, места гласного в слове и отдаления его от ударного слога. Безударные короче тех же гласных в ударном положении.⁸ Ослабление безударных гласных представляет вариации по степени, стоящие в связи с существованием самостоятельной долготы и краткости гласных ударяемых, а именно в одном и том же слабом неударяемом положении долгие гласные сохраняются в виде средней или же краткой длительности, тогда как краткие становятся весьма краткими и мимолетными и способны даже исчезать.⁹

Ослабление безударного гласного в кильмезском говоре связано не только с фонетической закономерностью, но и с морфологией. При этом на разновидность редуцированных гласных в слове влияет закон гармонии гласных. В данном говоре, как и вообще в малмыжском диалекте, огубленные редуцированные гласные следуют за огубленными гласными полного или неполного образования, например: *o-lu_uk* (луг. *oläk*) 'луг', *jo-du_uš* (луг. *jodäš*) 'вопрос', *ö-rñš* (луг. *öräš*) 'усы', *ü-mñr* (луг. *ümär*) 'век, жизнь', *u-du_ur* (луг. *udär*) 'крот', *ku-du_ur* (луг. *kudär*) 'кудрявый'. Неогубленный редуцированный гласный *ä* следует за гласным *a*, редуцированный *?* — за *i, e*, например, *ka-där* 'кривой', *petira-š* (луг. *peträš*) 'закрывать', *jarnäktara-š* 'изнурять'.

В луговом диалекте редуцированный гласный *ä* нейтрален по отношению к предыдущим гласным, он может выступать как за огубленными, так и за неогубленными гласными. В кильмезском говоре такое смешение исключено. Гармония гласных по огубленности или по ее

⁸ Л. П. Грузов, Длительность марийских гласных. — Труды МарНИИ XII, Йошкар-Ола 1958, стр. 137—158.

⁹ В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание, Казань 1953, стр. 41.

отсутствию здесь осуществляется последовательно. Этот же закон определяет в основном звуковой состав словообразовательных и словоизменительных суффиксов, например: *kiḍa-lč̄ən* (луг. *kāḍač̄ən*) 'с середины, по середине', *č̄i-j̄iš* (луг. *č̄ijem*) 'одежда', *βi-j̄it* (луг. *βijes̄*) 'на-сильно', *tu_uḍu_ula-kām* (луг. *nunām*) 'их', *tu_uša-γāñ* 'там', *iške-nž̄im* (луг. *škenž̄əm*) 'он сам себя', *ko-rnu_um* (луг. *kornām*) 'дорогу'.

Мы видим, что наличие того или иного редуцированного гласного в суффиксах зависит от предыдущего гласного и подчиняется закону губного сингармонизма. При этом гласный *ə* отличается от других редуцированных. Как в корне, так и в суффиксах и окончаниях он во многих случаях замещается полным гласным *i*, например: *βički-ž* (луг. *βičkəž̄*) 'тонкий', *iḍi-m* (луг. *iḍām*) 'гумно, ток', *im̄ni-ške* (луг. *im̄neške*) 'всадник', *jiži-η* (луг. *jāž̄η*) 'сустав', *kilḍi-š* (луг. *kāḍiš̄*) 'завязка, узел', *kili-mde* (луг. *kālāmde*) 'пуп', *liši-l* (луг. *lišāl*) 'близкий', *tipi-de* (луг. *tāγāde*) 'мелкий'. В данных словах кильмезскому гласному *i* в луговом диалекте соответствует редуцированный *ə*. На полноту гласного в говоре влияет сила ударного слога. Приведенные слова по месту ударения отличаются от соответствующих слов лугового диалекта: во всех примерах ударение падает на второй слог, а в луговом диалекте — на первый.

В зависимости от места ударения и в этом говоре изменяется гласный заударного слога, он обычно редуцируется, например: *iḍa-lək* 'год', *i-l̄iš* (луг. *ilš̄*) 'жизнь', *ji-rn̄ik* (луг. *jārn̄ik*) 'гадкий'. В предупредном положении здесь гласный *ə* выступает лишь за гласным *a*, например: *aβāra-š* 'окружать', *čāβāra-š* 'поворачивать, вернуть', *taγāna* 'лоток', *takārta-š* 'утаптывать, проторять'. Гласный *ə* ни в одном собственно марийском слове не бывает под ударением. Что же касается его положения в середине слова, то оно обуславливается гласным предыдущего слога и местом ударения, например: *kičaltāla-š* 'придираться', *jamḍāla-š* 'готовить', но *pet̄ira-š* 'закрывать', *βičkiž̄ema-š* 'утончаться'.

В сложных словах начальный полный гласный второго компонента тоже замещается редуцированным гласным *ə* или *ɨ* и находится в безударном положении, например, *šil̄mpa-l* (луг. *šl̄ūmbal*) 'чересседельник', *piž̄mpa-l* (луг. *piž̄rom*) 'рукавицы'. Здесь *ɨ* возник под влиянием предыдущего *i*, им замещен *ü*. Подобное замещение могло произойти лишь в сложных словах под действием закона гармонии гласных по огубленности. Таким образом, в корневых словах полный гласный *i* в безударном положении изменяется количественно и качественно, в результате чего он резко ослабляется и замещается редуцированными *ə* или *ɨ*. При этом редукция сопровождается приспособлением гласного к предыдущему звуку по неогубленности.

До сих пор мы говорили в основном о гласных *i* и *ə* в корневых словах. Выше было отмечено, что ослабление безударного гласного в данном говоре связано и с грамматической формой слова, с отдалением гласного от ударного слога. В суффиксах словообразования и словоизменения, в личных окончаниях глаголов большей частью выступают редуцированные гласные *ə* и *ɨ*. Их положение обуславливается фонетической закономерностью: под ударением не встречаются, следуют за предыдущими неогубленными полными гласными, в ударном слоге сохраняется древний *i*, например: *mi-ñ̄im* (луг. *tāj̄əm*) 'меня', *ti-ñ̄im* (луг.

täjəm) 'тебя', *pitä-rəš* (луг. *pətarəš*) 'он окончил', *učreždeñijla-kəšte* 'в учреждениях', *kok je-ηη* 'у двоих', *e-rkŋ* (луг. *erkən*) 'тихо', *čijšišta-t* (луг. *čijeməštət*) 'и их одежда'.

Изучение звукового состава многочисленных слов показывает, что в кильмезском говоре редукция полного гласного *i* до *ə* или *ɨ* находится в прямой зависимости от ударного слога и от качества предыдущих гласных. Наличие редуцированного в первом слоге кильмезских слов в любом случае исторически объяснимо. Из сравнительного материала видно, что в такой позиции гласный *ə* употребляется либо в чувашских, либо в татарских заимствованиях. Кроме того, редуцированный *ə* употребляется в заимствованных из тюркских языков суффиксах словообразования *-lək*, *-sər*, *-čək*; например, *arŋa-lək* 'достаточное на неделю' — чув. *erŋeləh* 'неделя'; *usta-lək* 'мастерство' — татар. *ostalək*, башк. *ostalək*; *mokta-nčək* 'хвостун' — чув. *muhtančək*, татар. *maktančək*, башк. *maktansək*; *ka-ŋəsər* 'беспокойный' — чув. *kansər*. Употребляется этот звук и в русских заимствованиях, например, *kərča* 'греча' и др.

Лишь в некоторых марийских словах в первом слоге встречается гласный *ə*. Это, во-первых, условный союз *γəñ* (*kəñ*) ~ *γŋ* (*kŋ*) 'если'. Но и в этом слове первоначально был полный гласный *i*, на что указывает мягкий согласный, возникший под влиянием *i*. Ф. И. Гордеев предполагает древнюю форму союза *γəñ* в виде *kini*.¹⁰

Таким образом, звуковой состав корневых слов показывает, что в луговом наречии полный гласный *i* во многих словах замещен редуцированным *ə*, но в кильмезском говоре в первых двух слогах гласный *ə* — результат заимствования иноязычных слов.

Z. V. UČAJEV (Joškar-Ola)

DIE VOKALE *i*, *ə* IN DER KILMEZ-MUNDART DER MARISCHEN SPRACHE

In der Kilmez-Mundart gibt es lautgeschichtliche Eigenartigkeiten, bei deren Aufklärung der Einfluß der Nachbarsprachen von großer Bedeutung ist. In diesem Aufsatz wird das Auftreten des *i* in der erwähnten Mundart betrachtet, wo dieser Laut öfter vorkommt als im Wiesendialekt. Das Eindringen des reduzierten Vokals *ə* ins Phonemensystem der Mundart ist eine verhältnismäßig späte Erscheinung.

¹⁰ Ф. И. Гордеев, О происхождении условного союза *γын* в марийском языке. — Труды МарНИИ XV, Йошкар-Ола 1961, стр. 141—143.